

К вопросу о формировании нормы в бесписьменном языке (на примере шугнанского языка)

Додыхудоева Л. Р.

Институт языкоznания Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация. <https://orcid.org/0000-0002-4567-9454>, e-mail: leiladod@yahoo.com

<https://doi.org/10.31483/r-107993>
УДК 811.222.8(575.32)-25/-26

Резюме. В статье анализируются графическая и орфографическая вариативность и проблемы нормирования в бесписьменном памирском языке – шугнанском. Материалом исследования послужил корпус шугнанских текстов XIX–XXI вв. и их перевод на русский язык, лексикографические источники, наблюдения и полевые материалы автора. Работа базируется на систематизации языкового материала с применением углубленного сравнительно-сопоставительного метода, в частности сопоставительного анализа культурно маркируемых единиц, и методе компонентного анализа. При отсутствии государственно-институциональных структур по регулированию социальной речевой деятельности и возможности решать теоретические и практические вопросы в сфере культуры речи и языковой политики сверху в настоящее время снят барьер между живой разговорной речью и сферой публичного общения, а также между их графическим отражением в письменном печатном тексте и особенно в интернете. Таким образом задается стимул к созданию письменной традиции с единой нормативной системой письма, составлению шугнанско-таджикско-русских и пр. словарей, отражающих национальную лексику, нормативных грамматик, а также прозаических художественных произведений и формированию на этой основе литературной нормы. Указанные меры способствуют повышению социолингвистического статуса и сохранению языка.

Ключевые слова: норма, таджикский язык, миноритарный язык, письменность, бесписьменный язык, шугнанский язык.

Для цитирования: Додыхудоева Л.Р. К вопросу о формировании нормы в бесписьменном языке (на примере шугнанского языка) // Этническая культура. 2023. Т. 5, №4. С. 22-32. DOI 10.31483/r-107993. EDN ALIAWJ

Research Article

On the process of standardization in an unwritten language (based on the example of the Shughnani language)

Leyli R. Dodykhudoeva

 Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0002-4567-9454>, e-mail: leiladod@yahoo.com

Abstract. The article analyses graphic and orthographic variability, as well as issues concerning the standardization process, in an unwritten Pamir language – Shughnani. The source data include a corpus of published and archival Shughnani texts of the 19th–21st centuries and their translation into Russian, as well as dictionaries, and field materials resulting from the author's field research. We systematise linguistic data by applying an in-depth comparative method, in particular, comparative analysis of culturally marked units, as well as component analysis. There exist no state-institutional structures for regulating social speech activity, and thus no ability to solve theoretical and practical issues in terms of public policy through measures taken in the field of speech culture and language. This situation incentivizes the creation of a written tradition with a unified normative writing system, the compilation of Shughnani-Tajik-Russian, etc. dictionaries reflecting key national vocabulary, and the publication of normative grammars. It also encourages the creation of prose literature, and on this basis, the development of a literary standard. These measures serve to improve the sociolinguistic status of the language and ensure its preservation.

Keywords: Tajik language, norm, minority language, unwritten language, Shughnani language, writing system.

For citation: Dodykhudoeva L.R. (2023). On the process of standardization in an unwritten language (based on the example of the Shughnani language). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 5(4), 22-32. EDN: ALIAWJ. <https://doi.org/10.31483/r-107993>.

Введение

Вопросы стандартизации и нормирования миноритарного языка, меняющего свой статус от бесписьменного к письменному и обратно к бесписьменному, – сложная нестандартная проблема.

К настоящему времени с привлечением внимания к миноритарным исчезающим языкам и их документированию назрела проблема описания и анализа процессов нормирования / стандартизации в таких идиомах, которая, однако, еще не стала объектом систематических специальных исследований. До сих пор не выработаны стратегии нормирования такого языка и методика применения полученных

результатов. В результате данного исследования планируется обозначить проблемы в этой области и предварительно установить пути их решения, подготовив рекомендации по возможным подходам к практическому решению проблем нормирования на основе продуманного научного анализа. Для достижения этого необходим сбор соответствующих сведений о памирских языках, их статусе и уровне нормирования.

В случае бесписьменного языка (в данном случае шугнанского) характерно взаимодополнительное сочетание дескриптивного и прескриптивного подходов к установлению нормы с отбором наиболее

частотных вариантов, применяемых в речевой практике, или путем следования предписаниям нормативных словарей и грамматик, авторитетным высказываниям публичных лиц, т. е. по сути субъективным оценкам. Наряду с этим следует иметь в виду, что норма в целом как совокупность правил употребления в речевой деятельности унифицированных языковых средств формируется на основе социально-территориальных и культурно-исторических факторов.

Термин «норма» используется в широком и узком смысле. При широком подходе под ней подразумевают традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других. В этом понимании норма близка к понятию узуса, включающего общепринятые, устоявшиеся способы использования языка. В этом случае можно говорить о норме применительно и к территориальному диалекту.

В узком смысле норма есть результат целенаправленной кодификации языка. Такое понимание нормы неразрывно связано с понятием литературного языка, который иначе называют нормированным, или кодифицированным. Применительно к некодифицированным сферам языка мы можем употреблять термины «узус» и «норма» недифференцированно: то, как принято говорить на данном диалекте, – это языковой обычай, узус, но это одновременно и диалектная норма, отличающая его от других диалектов. Однако относительно кодифицированной подсистемы, какой является литературный язык, такое использование терминов «узус» и «норма» явно неоправданно: одно дело, как словари и грамматики предписывают употреблять языковые средства (норма), другое – как в повседневном речевом общении следуют этим предписаниям носители литературного языка (узус, речевая практика) [Крысин, 2007]. Во втором смысле в понятие нормы включается употребление, рекомендованное грамматикой, словарем, подкрепленное авторитетом известного писателя, поэта [Ицкович, 1968, с. 4], лингвиста, популярного общественного деятеля и др.

Чаще всего термин норма употребляется в сочетании «литературная норма» и применяется к тем разновидностям языка, которые используются в средствах массовой информации, в науке и образовании, в дипломатии, законотворчестве и законодательстве, в дело- и судопроизводстве и других сферах социально значимого, преимущественно публичного, общения [Крысин, 2005]. В целом же устный речевой обиход есть знание прецедентов речи и их воспроизведение. При этом норма сопряжена с понятием отбора средств для литературного языка, который черпает средства из многих форм существования национального языка – территориальных диалектов, социолектов, городского просторечия и пр. Норма при этом играет роль фильтра, пропуская в литературное употребление коммуникативно приемлемые средства и блокируя случайные. Эта функция нормы – благо для литературного языка, поскольку связывает разные поколения и слои общества.

Языковая норма – одна из составляющих национальной культуры. Поэтому разработка

литературной нормы, ее кодификация, отражение нормализаторской деятельности лингвистов в грамматиках, словарях и справочниках имеют большое социальное и культурное значение [Крысин, 2005].

Норма затрагивает все уровни языка и связана с экстралингвистическими факторами. Представления о норме так или иначе сформированы у носителей, что выводит это понятие в область общественного дискурса, тем самым делая его субъективным, оценочным и провоцирующим к разного рода непрофессиональным спекуляциям. Тем не менее, как отмечают бельгийские лингвисты, «стандартный и народный языки в настоящее время получают новые конфигурации, причем последний становится более заметным в контекстах и жанрах, где стандартный язык раньше был обязательным, в то время как напряжение между силами стандартизации и просторечия усиливается, а их отношения становятся более сложными [Jaspers, Van Hoof, 2001, с. 1–44].

В силу того, что при прескриптивном подходе описание нормы опирается на авторитет нормативных текстов, грамматик, словарей, речь представителей интеллектуальной элиты, мы рассмотрим явления нормирования в широком смысле. При этом мы опираемся на наблюдения и интервью с носителями языка, в частности, с носителями языка, экспертами в областях, связанных с нормированием языка и обладающими, помимо специальных знаний, лингвистическим чутьем. В фокусе исследовательского внимания находится ситуация, когда в социуме отсутствует письменная традиция на родном языке и, следовательно, кодифицированная норма, а письменность осуществляется на неродном языке, причем молодое поколение носителей в такой ситуации практически двуязычно. Подобная ситуация сложилась, например, у носителей шугнанского языка, на примере которого мы рассмотрим процессы нормирования языка, эталонных литературных образцов, роль интеллектуальной элиты.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужил небольшой корпус опубликованных и архивных шугнанских текстов XIX–XXI вв. и их переводы на русский язык, шугнанско-русский словарь Д. Карамшоева (1988–1999), таджикско-русский словарь (2006), наблюдения и полевые материалы автора.

В качестве методов изучения процессов нормирования привлечены классификация и систематизация языкового материала, углубленный сравнительно-сопоставительный метод, в частности, сопоставительный анализ культурно маркируемых единиц, метод компонентного анализа, характеристики целостной сущности явления посредством выявления составляющих его структурных и семантических компонентов, и идентификации происхождения лексики, поскольку значение слова и его лингвокультурный анализ способствуют рассмотрению проблематики, связанной с конкретной дефиницией и ее нормированием.

В некоторых случаях для установления динамики сложения нормы и формирования нормативных правил привлекались экспериментальные исследования по интерпретации носителями-экспертами языка / текста, толкования фонетического, грамматического явления, термина, выявляющие их отношение к происходящим в языке процессам, что позволяет делать предварительные выводы по прогнозированию общественного мнения. Инструментом анализа ценностного содержания лексики является лингвокультурологическоеcommentирование художественного текста и сопоставительный анализ цивилизационных аспектов лингвокультур различных регионов, а также опыт изучения билингвального поликультурного пространства.

Результаты исследования и их обсуждение

Памирские языки: социолингвистическая ситуация

Группа восточноиранских языков, известных как памирские, включает шугнано-рушансскую группу (шугнанский, рушанский, хуфский, бартангский, рошорвский, сарыкольский), язгулямский, ваханский и ишкашимский языки и распространена в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан (далее ГБАО. – Л. Д.), на сопредельных территориях Афганистана и др. В настоящее время эти языки не имеют официально принятой письменности и квалифицируются как бесписьменные, служащие исключительно для устного общения. На территории Таджикистана государственным языком, который используется как язык администрации, письменности, обучения и культуры, является таджикский. Такая ситуация на деле ведет к дальнейшему ограничению функций памирских языков, бытующих на исконных территориях, и их вытеснению.

Мы рассматриваем социолингвистическую ситуацию, связанную с шугнанским языком (*xiūyán* (7) *ziv*), положение которого по шкале ЮНЕСКО квалифицируется как уязвимое¹.

Шугнанский, как и все памирские языки, находится в социолингвистических условиях неравномерного двуязычия. В состав термина «шугнанский язык» обычно включают собственно шугнанский, а также баджуvsкую, барвозскую, шахдаринскую и гундскую разновидности. Шугнанский язык выделяется среди памирских по числу носителей (около 100 000 чел.), центральному географическому положению и роли в административной системе. Этот язык служит *lingua franca* при межэтническом общении в регионе и оказывает заметное влияние на окружающие памирские языки. На шугнанском языке говорит население трех долин: Гунтской, Шахдаринской и часть долины по течению реки Пяндж, а также население административного центра Бадахшана г. Хорога (около 30 000 чел.). Шугнанский язык вообще и особенно язык г. Хорога можно считать городским разго-

¹ В близкородственной шугнано-рушанской группе, куда входит шугнанский язык, статус входящих в нее единиц до настоящего времени дискутируется: языки или диалекты, языки-диалекты [Shughni]. Текст : электронный. URL : <https://en.wal.unesco.org/languages/shughni>.

вальным языком, задающим новые стандарты, на которые ориентируется молодое поколение всего региона.

Шугнанский язык относительно однороден, а отсутствие кодифицированной нормы, казалось бы, определяет и отсутствие внешней нормы. Однако в качестве этносоциальной основы для формирования нормы выступает значительный слой образованного населения, как правило, людей с филологическим образованием, учителей и преподавателей, связанных с преподаванием западных и восточных иностранных языков (персидского, дари, английского, немецкого, русского и др.).

Развитие литературных языков в СССР (1920–1980)

Социокультурные процессы в СССР оцениваются исследователями по-разному. Так, в 1960 гг. отмечается, что языковая политика СССР по формированию младописьменных литературных языков (создание письменности, введение школьного преподавания на родных языках, упорядочение орфографии, терминологии, издание учебных пособий, проведение теоретических исследований по всем языкам советских народов) способствовала расширению общественных функций этих языков.

Эти «создаваемые» языки определялись как литературные, а их признаками служила норма², графический и орфографический стандарт. Уже в 1920–1930 гг., в первый период развития младописьменных литературных языков, были достигнуты значительные результаты: проведены работы по созданию письменности для ранее бесписьменных народов и учреждены национальные школы с преподаванием на родных языках; в короткий срок благодаря созданию письменности и национальной школы ликвидирована неграмотность; подготовлены кадры для национальной школы; созданы и выпущены необходимые учебники и учебные пособия на родных языках; разработаны общие и специальные методики для национальных школ; организована работа по упорядочению орфографии и терминологии; созданы литература, периодическая печать на родных языках; активно использовались родные литературные языки в развитии национальных культур, в изучении русского языка; была развернута научно-исследовательская работа по исследованию всех языков и их диалектов и расширены масштабы лексикографической работы, особенно в области двуязычных и толковых словарей. В таких литературных языках наметилось развитие словарного состава, обогащение его за счет лексических заимствований из русского языка; происходило упорядочение норм их фонетических систем, в том числе и в связи с процессами проникновения в состав систем этих языков фонем, заимствованных из русского языка; возникли или стали развиваться стилистические вариации. С проблемой взаимодействия языков связан и вопрос о двуязычии, развитие которого должно было способствовать более глубокому знанию родного языка

² Причем норма понималась на тот момент не в рамках платоновской идеальной категории нормы-эталона (таковая как раз в некоторых языках существовала), а как жестко кодифицированная норма-модель [Москевичева, 2015, с. 8–9].

и языка межнационального общения – на тот момент русского.

В рамках программы культурного строительства и кампании по ликвидации безграмотности в 1920–1930 гг. в СССР была начата работа над созданием алфавита и разработкой системы письменности для шугнанского языка на латинизированной основе³. Основы фонологической транскрипции для памирских языков были заложены И. И. Зарубиным еще в начале XX в. Новые алфавиты создавались для бесписьменных языков на базе латиницы, поэтому шугнанский алфавит был также разработан с применением латинской графики с добавочными знаками, изданы буквари, учебники для начальной школы, собраны и опубликованы на шугнанском языке фольклорные произведения разных жанров, значительный корпус авторской поэзии и песен, а также переводная художественная литература (см. подробнее: [Додыхудоева, 2020]). Так, на шугнанский язык были переведены с русского языка и опубликованы в Таджикистане два небольших прозаических текста: сказка В. Гауфа «Маленький Мук»⁴ и рассказ Л. Кассиля «Льдина холода»⁵. Эти издания, адресованные дошкольникам и младшим школьникам, стали одной из первых попыток создать книги для чтения. В свою очередь их можно квалифицировать в качестве прецедентных прозаических текстов, ориентированных на языковую норму, задающих языковой стандарт письменно зафиксированного шугнанского языка. Оба текста переведены педагогами, принимавшими участие в подготовке алфавита и разработке букварей и учебников.

Создание письменности для шугнанского языка позволило начать обучение в школе и работу по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Такая работа велась практически на всем протяжении 1930 гг., и целое поколение шугнаноязычных детей получило образование на родном языке в рамках семилетней школы (1931–1938). Так шугнанский язык получил статус младописьменного, а определенный

3 На следующем этапе планировалось создание алфавита и письменности для ваханского языка. По решению съезда «Нового алфавита» (1926) новые алфавиты для младописьменных и бесписьменных языков создавались на основе латиницы; на ту же основу переводились языки с «трудночитаемой» графикой (такой, как арабица). Книги на шугнанском языке издавалась на этом алфавите. Работа велась на латинице с учетом современных на тот момент типографских возможностей с опорой на разработанный Новый тюркский алфавит (ИТА). Позднее графическая запись текстов стала вестись в принятой для иранских языков транскрипции в латинице или кириллице. В данной работе шугнанский материал представлен при посредстве иранистической транскрипции в латинице.

В 1920 гг. с изменением социальной структуры общества интеллигенция не потеряла своей ведущей роли в культурном развитии региона. Наряду с «демократизацией языка» и введением термина «таджикский язык», произошел приток в таджикский литературный язык просторечных и диалектных единиц. Изменения коснулись не только лексических, грамматических норм, но и письма (в 1930 гг. – переход на латиницу, в 1940 гг. – переход на кириллицу), и соответственно норм орфографии. В силу этого, начиная с 1930 гг. была начата работа по составлению словарей и нормализации разговорно-бытовых элементов в языке и литературе, упорядочению речевой практики, стабилизации языковых норм.

4 Gawff V. Җulikik Muk. Stalinobod : Naşrjoti Davlatiji Toçikistən, 1938. 22 c.

5 Kassil L. Sumoqtı jaxparca. Stalinobod : Naşrjoti Davlatiji Toçikistən, 1937. 23 c.

его срез с установкой на норму был зафиксирован в письменной форме. Однако в конце 1930 гг. проект по введению нового письменного языка в ГБАО был прекращен, дальнейшее применение шугнанского языка в школе и обучение на нем было сочтено нецелесообразным. Шугнанский язык был изъят из письменного и административного обращения и вновь переведен в разряд бесписьменных⁶. Такая ситуация в целом сохранялась до конца 1980 гг. Обучение стало вестись на таджикском языке.

Но научно-исследовательская работа по изучению всех памирских языков и их диалектной базы, начиная с 1920 гг., велась активно. В Москве и Ленинграде в рамках Академии наук СССР велось изучение памирских языков. К результатам такой деятельности можно отнести появление описаний языков с текстами и двуязычными словарями. В 1960 гг. в Институте языка и литературы Академии наук Таджикской ССР под руководством Д. Карамшоева был открыт сектор, а позднее отдел памироведения, где осуществлялись документирование шугнанского и других памирских языков, их описание, лексикографическая работа по составлению двуязычных (многоязычных) и толковых словарей, сбор фольклора и ономастики, создание сборников текстов и двуязычных словарей. Здесь для представления эмпирического материала шугнанского языка использовалась кириллица с добавочными знаками и дополнительной диакритикой. Первые научные публикации отдела появились в начале 1970 гг.

Второй этап активизации языкового строительства на территории СССР пришелся на 1980–1990 гг. В этот период заново были созданы алфавиты для многих бесписьменных языков, продолжена работа по созданию литературных языков, моделью для которых по-прежнему служили образцы языкового строительства XIX в., поэтому необходимая для развития языка полифункциональность ставилась некоторыми исследователями под сомнение. Такое мнение, например, высказывает С. А. Москвичева, отмечая при незначительном числе носителей языка снижение синтагматических характеристик при возрастании парадигматических в созданном искусственно литературном языке [Москвичева, 2015, с. 8–9].

В 1980 гг. появились новые предложения по алфавиту и орфографии шугнанского письма (см. подробнее: [Додыхудоева, 2020]). В последние десятилетия XX в. были разработаны различные варианты

6 Впоследствии эта деятельность для части малочисленных языков СССР рассматривалась как ошибочная. Так, в докладе В. В. Виноградова на пленарном заседании координационной конференции, посвященной закономерностям развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху (20–24 ноября 1962 г.) отмечалось: «Вместе с тем в этот период были допущены и серьезные ошибки: 1) попытки создания письменности на родном языке очень малочисленным этническим группам вопреки реальной необходимости (например, для некоторых этнических групп Крайнего Севера, отдельных тюркских, финно-угорских, иранских, кавказских этнических групп, которые впоследствии отказались от письменности на их родных языках и стали пользоваться русским и другими литературными языками соседних братских народов...)» [Виноградов и др., 1963, с. 6].

алфавитов на основе латиницы и кириллицы, а также варианты параллельных график [Эдельман, 2010; Эдельман, 2016], а алфавиты на базе кириллической графики с дополнительными диакритическими знаками с начала 1990 гг. стали применяться в научных изданиях и местной печати, в газетах и литературно-публицистических приложениях к ним («Бадахшон», «Маърифат» / «Просвещение», «Фарҳанги Бадахшон» / «Культура Бадахшана»).

Свободное владение навыками чтения и письма на доминирующем таджикском (в России – русском) языке и одновременно усиление этнического самосознания создали исключительные предпосылки для развития в СССР тех лет письменности на бесписьменных языках. В 1989 г. был принят «Закон Таджикской ССР о языке», который предусматривал создание условий «для свободного развития и использования бадахшанских (памирских) языков». В печати ГБАО ставился вопрос о проблемах языка и культуры (см., например, передовицу «Язык и развитие культуры» в «Бадахшони Совети» за 26 января 1989 г.). В 1991 г. в той же газете было опубликовано решение президиума Совета народных депутатов ГБАО об утверждении алфавита памирских языков, началась широкая кампания по выдвижению и обсуждению различных вариантов алфавитов.

К настоящему времени опубликованы ряд специальных словарей и фразеологических сборников шугнанского языка, ведется работа по подготовке Евангелий от Луки и Матфея, с 1990 гг. в Хороге в Институте гуманитарных наук Национальной академии наук Таджикистана ведется работа по изданию фольклорных произведений «Фолклори Помир» («Фольклор Памира») на нескольких памирских языках.

Но попытки ввести алфавиты и письмо в нормативное русло по разным социоэкономическим причинам не увенчались успехом, поэтому и в настоящее время публикации на шугнанском языке демонстрируют высокую степень графико-орфографической вариативности.

В научных исследованиях на территории Российской Федерации для записи шугнанских текстов применяется научная иранистическая транскрипция на основе латиницы с добавлением греческих букв. Носители же языка для записи в быту применяют различные варианты кириллицы [Додыхудоева, 2020]. В настоящее время на основе «Шугнанско-русского словаря» Д. Карамшоева создается Корпус шугнанского языка с аудиоспроизведением словаформ; группа молодых исследователей ведет работу по пополнению корпуса, оцифровке фольклорных произведений, авторской поэзии, песен и прозы [Макаров, Меленченко, 2021].

При всем том нормативная система письма шугнанского языка до сих пор не создана⁷.

7 Комитетом по языку и терминологии при правительстве Республики Таджикистан по нормированию и кодификации осуществляется государственная политика в области таджикского языка и контроль за практической реализацией правил его правописания. Так, в июне 2023 г. заместитель председателя Комитета С. Р. Рахматулло зода провел в ГБАО в Хороге, Рушане и Мургабе серию семинаров и встреч с научными работниками и

рамках исследований сотрудников Института языка и литературы Национальной академии наук Таджикистана памирские языки, включая шугнанский, в настоящее время квалифицируются как «древние» и языки семейного наследия⁸, а публикации на них осознаются как стихийные, демонстрирующие высокую графическую вариативность.

Необходимо отметить еще один аспект проблемы. Современное развитие инфраструктуры и технологий связи, глобализация и более открытые и тесные контакты с мировым сообществом, свободное владение навыками чтения и письма на разных языках, активная миграция молодежи, но одновременно и подъем этнорелигиозного самосознания создали предпосылки для стихийного развития письменности на бесписьменных памирских языках, что обеспечено широким доступом к мобильным устройствам и мессенджерам.

В силу этих процессов первый международный форум «Сохранение и развитие памирских языков», прошедший 20–22 августа в Хороге в 2018 г. под эгидой хукумата ГБАО, Института гуманитарных наук Национальной академии наук Таджикистана и ООО «Нур», «Эхё» и «Нилуфар», внес в свою резолюцию обращение к государственным структурам о введении нормативной письменности для памирских языков.

Социокультурная значимость этой научной и научно-организационной деятельности заключается в разработке учебных материалов и профессиональной поддержке публикационной деятельности на памирских языках и поддержке работы активистов, заинтересованных в сохранении своих родных языков и передаче лингвокультурной традиции.

Разработка подходов к шугнанской письменности

Разработка нормативной графической системы шугнанского языка все еще находится на этапе становления. Этот процесс осложняется влиянием письменной нормы доминирующего таджикского языка. Рукописные и опубликованные материалы демонстрируют широкую вариативность графического, а также фонетического оформления текстов. Сложность представляет выбор графем для передачи специфических звуков речи речи тъ [ӯ], дъ [ӯ], тъ [ӯ], зъ [ӯ], не решены вопросы фиксации на письме долготы, сверхкраткого гласного [i], пред-

преподавателями вузов под девизом «Национальное единство – источник развития национальной духовности», которые были посвящены роли единства в становлении и развитии общества, а также разъяснению правил правописания в таджикском языке и книжной терминологии. Проблемы памирских языков при этом не затрагивались.

8 Так, среди рабочих названий научной конференции «Языки и диалекты Горного Бадахшана», проведенной совместно Институтом языкоznания РАН и Институтом языка и литературы им. Абу Абдулло Рудаки Национальной академии наук Таджикистана 15 ноября 2023 (Москва – Душанбе и Хорог), предложенных таджикской стороной, были: «Местные языки и диалекты Горного Бадахшана» / “Local languages and peoples of Badakhshan” и «Развитие языков и диалектов Припамирского региона». Ответственным секретарем конференции выступил А. Мирбобоев – заведующий отделом древних и арийских языков (шуъбаи забонҳо бостон ва ориёй) Института языка и литературы им. Рудаки Национальной академии наук Таджикистана.

ставления ў [ӽ] и долгого ў [ӽ], а также [ê]. Проблема осложняется, во-первых, влиянием орфографических норм таджикского литературного языка, во-вторых, отсутствием единого исследовательского подхода к принципам графики и орфографии шугнанского языка. Как отмечает один из разработчиков шугнанского алфавита в начале XX в.: «Когда принимался шугнанский алфавит, в разработке которого мне пришлось принимать участие, мы действовали вслепую. Были известны многие алфавиты, и мы старались выбирать такие знаки, которые имелись бы в других алфавитах. Но нам не было известно значение этих знаков. Так, например, в каком-нибудь дагестанском алфавите было “е” “ше”, мы его приняли за “це”. Это делалось не потому, что мы хотели внести какое-то новшество, а потому что не было связи в нашей работе» [Дьяков, 1933, с. 171–177].

Перспективы стандартизации шугнанского языка

Как отмечала М. М. Гухман, в советском языкоznании впервые социальная функция стала использоваться как важнейший дистинктивный признак при характеристике разных форм существования языка, при котором основное различие между литературным языком и диалектом определяется как различие их социальных функций. Функциональному многообразию литературного языка, охватывающего разные сферы государственной и общественной жизни как в устной, так и в письменной форме, противопоставляются бесписьменные, преимущественно однофункциональные диалекты с их ограниченной сферой бытового общения, семейной частной жизни; функциональный критерий принимается и в качестве принципа разграничения языка и диалекта [Гухман, 1972, с. 5]. При этом в последние десятилетия в связи с процессом сужения сферы применения территориальных диалектов и региональных языков все большее значение приобретает именно изучение разных типов региональных наречий разного социолингвистического статуса, имеющих специфические локальные приметы⁹.

На рубеже XX–XXI вв. отмечалось, что стандартизация шугнанского языка относительна, и условно были выделены стили: стихотворный, повествовательный (фольклор, предания, исторические повествования), разговорно-бытовой, причем стихотворный выделялся как отличающийся стандартизацией в фонетике, грамматике и лексике. При создании письменности в 1930 гг. базой послужил повествовательный стиль; наддиалектная норма не была выработана [Эдельман, Юсуфбеков, 2000, с. 226]. Несколько десятилетий развития бесписьменного шугнанского языка в условиях особого внимания к миноритарным языкам, а также усилия исследователей и носителей по его документированию, сохранению и введению нормативной графики дали плоды в области создания корпуса текстов. На основе этих прецедентных текстов начались процессы стандартизации и нормирования языка.

9 О терминологии и дефинициях «литературный» и «стандартный», см., например: [Москвичева, 2015, с. 9].

В последние десятилетия фокус исследований по стандартизации миноритарных языков сместился в связи с актуализацией понятий «языковая идеология», «идеология стандартного языка» (*standard language ideology*). Если раньше исследования были ориентированы на идеологию однозычия, то сейчас они направлены на многоязычие, в частности изучение диглоссных и транскультурных отношений, включая пурристические тенденции [McLlland, 2021, с. 109]. Вместе с тем при изучении языковой стандартизации акцентируется ключевая роль изучаемого языка (иностранный / второго) в кодификации, что задает установку на обновленную программу исследований по стандартизации, которые обогащаются как за счет внимания к многоязычию.

Расположение социальных признаков в речи в аспекте фонетики можно представить в следующей последовательности: территориальная принадлежность говорящего, возраст, социальное положение, профессия, уровень образования, влияние радио. Большую роль в формировании речевых навыков имеют языковое окружение, профессиональные навыки¹⁰. Причем носителей разных уровней языка конкретного сообщества объединяет общее коммуникативное поведение. Для нас важно, что носители разговорного языка характеризуются «мифологизированным сознанием» (термин А. Ф. Лосева, под которым подразумевается, что действительность воспринимается в значительной степени в конкретно-чувственных образах и вербализуется на эмоционально-образном языке), коллективизмом, консервативностью, языковым чутьем и тенденцией к оценочности. При этом у людей, говорящих на языках без письменности и наддиалектной нормы, просматривается установка на (внутреннюю) норму, правильность своей речи, в отличие от чужой, что определяется интуитивно, исходя из знания родного языка. Так, в ходе интервью с носителями языка приходилось слышать высказывания о «чистоте» родного шугнанского языка, причем нередко таким образом характеризовали свою речь носители разных говоров.

Даже таджикский язык региона, который по традиции называется здесь *порси*, считается наиболее «чистым» (ш. зоф, тадж. соф ‘чистый, ясный’) по сравнению с языком столицы Таджикистана или севером республики (из интервью с Д. Карамшоевым, Душанбе, ГБАО, 2001).

Рассмотрим некоторые черты, связанные в публикациях с вопросами внутренней и внешней нормы. В первую очередь это ряд характерных / нехарактерных для языка фонетических черт (перебой *h* – *ø*, *w* – *ø*, *ð* / *θ* – *ø* и др.), грамматических и морфосинтаксических черт (изофетная конструкция), а также особенности введения неологизмов (отличающихся спецификой в номинации, значения которых сформированы за счет прецедентности), заимствованной лексики (где имеет место синонимия, граничащая с дублетностью) и ее словообразовательные модели.

10 Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. Москва : Высшая школа, 1978. 214 с.

Согласно наблюдениям, наибольший диапазон социального варьирования характерен для фонетического уровня [Зиндер, 1986]. Приведем ряд примеров, характерных для шугнанского языка в его письменной и устной форме.

Для письменных текстов 1930 гг. характерно введение отсутствующего в шугнанском устном произношении фарингального *h* в заимствованной лексике, в том числе из таджикского языка: *siyohat* ‘путешествие’, *bahr* ‘море’, *rahbar* ‘руководитель’, *ahwol* ‘состояние’, *jūhūn* ‘мир’, *hiyūt* ‘атака’, *hawo* ‘воздух, погода’, *haqēqi* ‘достойный’, *hawli* ‘двор’, *mahala* ‘помещение’, *buhor* ‘весна’, *hol* ‘состояние’, *ahwol* ‘состояние’, *qahramān* ‘герой’, однако *urmat* ‘уважение’ при таджикском *χurmāt*; *aha* ‘междом. ЕМР’, *luhū* ‘быстро’, *qahr* ‘гнев’, *hec* ‘никакой’, *čā-jāhā* ‘щебет’¹¹, однако *saar(aki)* ‘утро(м.)’ при таджикском *saħar*; *maal(l)ā* ‘помещение’ при таджикском *maħala*.

В качестве признака нормирования сегодня можно отметить старательное соблюдение произносительных норм таджикского языка молодыми носителями языка, например введение в шугнанскую речь *h*: *rahmat*, при обычном *rāmat* ‘спасибо’, *zahrnok* при обычном *zārnok*. Та же тенденция характерна для произнесения большей части словаря, заимствованного из таджикского языка, например: совр. ш. *meħtīn* ‘гость’ при возможных вариантах *tetīn*, *tautīn*, *tetīn*, *tētī/ūn*.

В настоящее время в Таджикистане введена единообразная система передачи личных имён¹². В результате во многих традиционных шугнано-рушанских, ваханских и ишкашимских именах появилось наращение [x], системное для таджикского литературного языка: ш. *Awō* передается на письме как *Ҳаво*; *Зоалишо*, *Зо(о)лишо* передается как *Зуҳалишо*; *Mēr* передается как *Mehr*; (*У*)*сайн* ‘Хусайн’ передается как *Ҳусайн*. (Многие из имен этого списка сохранились и употребляются только на территории ГБАО¹³.)

Отметим еще одну характерную фонетическую тенденцию: для многих таджикско-арабских заимствований характерно опущение или, наоборот, привнесение губно-губного [w]: ш. *šulwā*, *šal/ā*, *šallā* ‘пламя, луч, свет’, при этом в переводной книге Л. Кассиля 1937 г. встречаем ш. *šalā*, что можно рассматривать как следствие устраниния удвоения сonorных согласных.

Вместе с тем на письме отмечены фонетические формы со стяжением [ey], [ay] в [e], присущие шугнанской речи: medūn (см. книгу В. Гауфа «Маленький Мук», 1938), ср. с совр. *maydūn*, тадж. *майдон* ‘площадь, ристалище’.

В ранних записях шугнанского языка, например, в книге Л. Кассиля, отмечен глухой [9], что нехарактер-

11 Здесь и далее примеры из: Gawff V. Ҷulikik Muk. Stalinobod : Naşrijoti Davlatiji Toçikiston, 1938. 22 с.; Kassil L. Sumojeti jaxparса. Stalinobod : Naşrijoti Davlatiji Toçikiston, 1937. 23 с.; Карамшов Д. Шугнанско-русский словарь. Москва : ГРВЛ, 1988–1999.

12 Фехристи номхоя милли тоҷикӣ = Реестр таджикских национальных имен / Комитет по языку и терминологии при Правительстве Республики Таджикистан. Текст : электронный URL : http://istiloht.tj/sites/default/files/articleattachments/Fehrishi_nomhoi_milli_2023.pdf] (дата обращения : 06.09.2023).

13 Карамшов Д. Словарь памирских личных имен. Душанбе : Дониш, 2015. 303 с.

но для современного устного произношения молодежи, где нормативен межзубной звонкий [ð] или отсутствие конечного согласного в ауслауте. Так, при передаче лексемы *мастер* сейчас принята форма со звонким межзубным [ð] в исходе слова или с его опущением: *wistoð*, *ustoð*, *wustod* ‘мастер, ремесленник, кузнец’, однако в переводе рассказа Л. Кассиля представлена форма с конечным тв [9]: *Wiyen yax mizdow korard wistoð wizent* ‘Он считался большим мастером по делам, связанным со льдом’. В ауслауте имеет место оглушение: *zowut* ‘ завод’, ср. с шугнанским *Ўнд* ‘Гунт’ (название реки). В ранних заимствованиях лексики, особенно арабской, отмечается альтернация [l] / [r]: *zalūl*, *zarūr* ‘нужный, необходимый’; *zalūliyat* / *zarūriyat* ‘необходимость, нужда’; *zalal*, *zarar* ‘вред, убыток, ущерб’. Употребление формы с [l] отмечено в поговорке: ш. *Bo zalūliyat nāla čandīn rawo* ‘Как говорят, при необходимости все допускается’.

В качестве примера отсутствия нормы в письменном шугнанском языке рассмотрим некоторые характерные / нехарактерные грамматические, морфосинтаксические черты и словообразовательные модели. По крайней мере, до 1930 гг. шугнанские дети не видели самолетов, не знали, что такое радио, не были знакомы с рядом культурных явлений, поэтому для образования имени деятеля на основе лексем, обозначающих эти реалии, используется таджикский суффикс -ci: *aeraplanči* ‘летчик’, *radiyoči* ‘радист’, *Čeluskinčiyen* ‘челюскинцы’ (слово в издании 1937 г. оформлено с заглавной буквы). Этот ряд можно дополнить лексическими нововедениями 1920 гг.: *kolxoči* ‘колхозник’, *fermači* ‘заведующий фермой’, *tambūrci* ‘играющий на тамбуре’, *türči* ‘артиллерист’, по-видимому, с ориентацией на традиционные модели деятеля, принятые из соседних таджикских диалектов: *шикорчи* ‘охотник; ловец’, лит. *шикорчӣ*.

В грамматике отметим введение изафетной конструкции наряду с атрибутивным словосочетанием и дальнейшее развитие сложных слов, композитов.

По принципу изафетной конструкции, привнесенной из таджикского языка, строится ряд сочетаний. В шугнанском переводе текста Л. Кассиля имеются перебои в передаче атрибутивных сочетаний, связанных с лексикой, имеющей отношение к Северному полюсу.

Стандартны для шугнанского языка атрибутивные сочетания с постановкой определения в препозиции: 1) *qutbi xītērž* ‘Полярная звезда’, ср. с тадж. *Citorai Kutmāb* [Мухиддинов, 1973], *citorai қутбӣ*, *citorai korvonači* ‘Полярная звезда (как ориентир при движении каравана)’, *citorai қутбӣ* ‘Северный полюс’; 2) *qutbi bahr*, *Qutbi bahr* ‘Северное море’; 3) *Safed bahr* ‘Белое море’; 4) *qutbi kud* ‘полярная собака’; 5) *qutbi yāx* ‘льды [Северного] полюса’; 6) *qutbi yāx parčā* ‘льдинка с [Северного] полюса’; 7) *yī parčā qutbi yāx* ‘одна льдинка с [Северного] полюса’.

При этом в том же тексте, связанном с Северным полюсом, широко представлена изафетная конструкция: 1) *qutbi šimoli* / *šamoli* ‘Северный полюс’, ср. ш. *šamol* ‘север, ветер’, *šamolin* ‘ветреный’, ср. тадж. *Kutmāb Shimolӣ* ‘Северный полюс’, *қутб*

‘полюс’, *шимол* ‘север’, *шимолӣ* ‘северный’, *шамол* ‘ветер’, *шамолин* ‘ветреный’; 2) *bahri šamoli* ‘Северное море’, ср. тадж. *Баҳри Шимолӣ* ‘Северное море’; *bahri qutbi* ‘Полярное, море’, тадж. *қутбӣ* ‘полярный’, ср.: *доураи қутбӣ* ‘полярный круг’, *қутбнамо* ‘компас’; 3) *bahri Kabir* ‘Великий океан’; 4) *aywūni bahri* ‘тюлень – морское животное’; 5) *yāxparčayi qutbi* ‘льдинка с Северного полюса’, тадж. *яҳпарча* ‘кусочек льда, льдинка, ледышка’, ср.: *яҳтӯда* ‘ледяная глыба; ледяной торос’.

Не нормировано использование лексемы, обозначающей ледяную гору, нагромождение. Она представлена то как сложное слово, то как словосочетание: *yāxkū*, *yāxkūen*, *yāx kūyen* ‘ледяная гора, глыба, ледяной торос’, *yāx kūyen* ‘ледяные горы, торосы’, ср.: тадж. *яҳтӯда* ‘ледяная глыба; ледяной торос (в полярных морях)’.

Рассматриваемые тексты являются переводными, поэтому в них часто встречаются заимствования, которые, как правило, передаются в транслитерированной форме: *Šuturma* ‘Штурма’ (кличка собаки), *kapitan* ‘капитан’, ‘Čeluskin’ *paraxod* ‘пароход «Челюскин»’, *radiyo* ‘радио’; *bayraq* ‘знамя’, ср.: тадж. *байрақ* ‘знамя, флаг, стяг’. С другой стороны, заимствованные слова могут подвергаться фонетическим изменениям, обусловленным фонологической системой шугнанского языка. Так, в слове *дирижабль* добавлено [i] в ауслауте: *dirižabli* ‘дирижабль’, а в слове *газета* снят конечный гласный – *gazet*, что можно объяснить восприятием термина на слух. Вместе с тем употребляются словоформы, где конечный гласный получает характерное для шугнанского удлинение финального гласного (*bankā* ‘банка’) или сужение в слоге перед носовым (*čamatadān* ‘чемодан’, ср. с перс. *jāmadān* ‘чемодан, сумка для одежды’).

Часть реалий текста Л. Кассиля была неизвестна детской аудитории. Ограниченност связей носители памирских языков с внешним миром осложняла задачу переводчика по описанию большого мира, его морей, дорог, городов. Описание города с его улицами, площадями и минаретами требовало разъяснений. Во многих случаях обозначение таких реалий требовало отдельных комментариев или пояснений в самом тексте. Так, слово *kanka* не было известно шугнанской аудитории, и потому оно приводится с пояснением: *yāxbozi kunak* ‘конек, коньки – приспособление для игры на льду’, ср. с более поздним *yāxbozi*, заимствованным из тадж. *яҳбозӣ* ‘катание на коньках’, объяснения потребовал и рассказ о тюлене (*yi aywūni bahri* ‘морское животное’).

Второй способ введения незнакомого шугнанской культуре понятия – создание неологизмов. В силу того, что в культуре практически отсутствовали дороги, в том числе для передвижения верхового и колесного транспорта, не было и понятия «тротуар», поэтому для его передачи используются два слова: *piyobā* ‘пеший’ + *rūnd* ‘путь’, букв. ‘пешая дорога’, сочетание лишь отчасти передающее содержание понятия ‘дорога (для) ходьбы’ (ср. общее обозначение пути: *rūnd* ‘путь, дорога, тропа’, *rūndez* ‘горная тропа, тропинка’ и более поздний термин *mošīn pūnd* ‘проезжая

дорога для машин’). Для передачи понятия «самокат» использовано слово *aroba* ‘арба’ в расширительном значении; сегодня используются заимствованные из русского слова *самокат*, *беговел* и *скутер*. Среди неологизмов того времени можно отметить также любопытный композит *ayroc(igi)nāyen* (форма мн.ч.) ‘аэросани’, созданный из двух компонентов: заимствованного *a(e)uro* и исконного *cīginā* (ш. *cīginā* ‘сани-волокушки (для перевозки соломы и хвороста при полевых работах в горах)’; ср. с тадж. *cīgina* разг. ‘сани-волокушки (для перевозки сена, дров)’, лит. *чигина* ‘сеносборщик, борона’).

В некоторых случаях при отсутствии реалий переводчик применяет сочетание прямого перевода и элементов описания: при упоминании плюшевого игрушечного медведя применяется сочетание *baxmalin bozi-kunak yūrخ*, известный в языке термин *baxmalin* ‘бархатный’ + тадж. *bozi-kunak* ‘игрушечный, игрушка’ (*bozi* ‘игра’+*kun* ‘делать’) + исконное *yūrخ* ‘медведь’. При этом в первом изданном на шугнанском языке романе¹⁴ в значении мягкой игрушки – медвежонка – применяется уже тадж. лексема *xirsak* ‘медвежонок’. Интересно также описательное сочетание, употребляемое для передачи заголовка рассказа Л. Кассиля *льдина холодина* ш. *sumyoti yāxparčā* ‘кусочек льда (в) подарок’, *sumyoti, sawyot(i)* ‘подарок, привезенный из поездки, путешествия’, тадж. *савғот(ӣ)* ‘подарок, гостище’.

Таким образом отбирается совокупность общеупотребительных языковых средств, а также формируются правила их использования и в дальнейшем отбора.

Для демонстрации этапов формирования внешней нормы можно привлечь примеры публикаций XX в. на основе латиницы и кириллицы. Принимая за основу формирования внешней нормы авторитеты в области языка и литературы (педагогов, поэтов, писателей, журналистов и пр.) и книжные издания, предлагается следующая условная хронологическая таблица (табл.1).

После второго этапа, единственного периода официального признания языка и усилий общества и государства по созданию его нормированного стандарта вплоть до последнего времени работа по фиксации шугнанского языка велась лишь отдельными научными учреждениями. В настоящее время при осознании угрозы исчезновения миноритарных языков и при нарастании языковых сдвигов в среде их носителей одной из задач лингвистов и языковых активистов стал стимул к сохранению языков, созданию письменной традиции и переводов, а также «к выработке и развитию их литературной нормы, к культурному обогащению» [Эдельман, 2016, с. 98].

Социально-экономические изменения в жизни носителей конкретного языка влияют и на его функции. В XX–XXI вв. велась работа по расширению функций шугнанского языка, предпринимались попытки его использования в медиа. Анализ дискурсивной практики показал [Абдулхамирова, Юсуфбеков, 2017], что установление публичного дискурса проис-

14 Худобахшов Х. Зиндаги аз нав ҷа сӯд сар. Хорог, 2017. 187 с.

Таблица 1. Этапы формирования внешней нормы
Table 1. Stages of external norm formation

Годы	Вид публикации
1867	Публикация Р. Б. Шоу текста сказки «Водарег» на шугнанском языке с английским переводом (Сарыкол, Китай)
1930 гг.	Создание алфавита (на основе латиницы) и системы письма, издание буквей, поэтического сборника Н. Шамбезода, прозаических художественных текстов Л. Кассиля и В. Гауфа, буквей, учебников для начальной школы
1970–1990	Проекты алфавитов (на основе кириллицы/латиницы), издание сборников фольклора и авторской поэзии, научных публикаций, газет, словарей, грамматик, учебников для начальной школы
2001	Издание «Евангелия от Луки» (в отрывках)
2014–по наст. вр.	Выпуск детских книг, радиопрограмм, мультипликационных фильмов, аудиосказок
2017	Выход романа Худобахшова Х. «Зиндаги аз нав ҷа сӯд сар» («Если бы жизнь началась заново»), одновременно на языках группы
2023	Издание сборника сказок в серии «Памирский фольклор»

ходит через создание словесных единиц – особенно единиц, имеющих публицистический характер, – и их совершенствование.

Отметим здесь влияние на шугнанский язык известных литературных деятелей. В качестве примера переключения кода приведем высказывание известного таджикского поэта А. Мирходжа, продемонстрировавшего в своей публикации такой художественный прием как использование транслингвального механизма. В таджикском тексте, посвященном традициям игры женщин на бубне в Бадахшане, он привлек в качестве маркера аутентичности и образности шугнанский описательный оборот *kaxoy daf* ‘женщина / женский’ + ‘бубен’, который передается в таджикском языке изафетной конструкцией (тадж. *дооразани занон*). Другая известная в памироведении фигура – лингвист Ш. П. Юсуфбеков прокомментировал введение шугнанского оборота в таджикский текст и рассказал в интервью о таком виде музыкального исполнения, употребляя данный термин как композит, что послужило созданию нового варианта языковой единицы [Додыхудоева, 2014, с. 63–74]. В комментарии к первой публикации шугнанской сказки «Водарег» профессор Ш. П. Юсуфбеков отметил, что язык рассказчика архаичен и своеобразен, в нем присутствуют характерные для одной из замкнутых долин Шугнана – Шахдары, черты, а также оригинальные неологизмы (из интервью Ш. П. Юсуфбекова, Даشت, ГБАО, 2018).

В качестве медиаторов социального пространства можно рассматривать и группы по интересам в социальных сетях, которые способствуют укреплению позиции языка, через обсуждение актуальных для членов языкового сообщества вопросов на родном языке, через языковое творчество – создание новых языковых единиц и новых подходов к их пониманию, усиливающих уверенность в возможности использования родного языка в публичной сфере. Создание публичной сферы шугнанского языка находится в начале своего пути, но носители языка осознанно предпринимают усилия по развитию публичной сферы, для формирования и продвижения

общественного мнения о праве шугнанцев свободно и открыто применять родной язык в общественных целях [Абдулхамирова, Юсуфбеков, 2017].

При этом шугнанский, как указывалось выше, является средством общения, *lingua franca*, в регионе и, имея высокую социальную значимость, оказывает влияние на все другие языки, особенно близкородственные языки шугнано-рушанской группы. Как отмечал лингвист М. Файзов, давший одно из первых описаний рушанского языка (1963) и занимавшийся впоследствии вопросами орфоэпии и сценической речи на памирских и таджикском языках, уже в начале XXI в. у молодого поколения жителей Рушана (особенно студентов, обучающихся в Хороге, т.е. в Шугнане) начался процесс перехода от применения эргативной конструкции с косвенной формой местоимений на прямые формы, подобные тем, которые характерны для шугнанского языка. Так, вместо оригинальных конструкций типа *у меня мое сделанное*, с руш. *ти ... ‘мне, у меня’*, в широкое употребление вошли прямые конструкции типа *аз-ум хид* ‘я услышал’, сходные с шугнанскими (*wuz-um сид* ‘я сделал’) (из интервью автора с М. Файзовым, Душанбе, 2007).

Выводы

В рамках настоящей статьи рассмотрены понятия вариативности и языковой нормы в шугнанском языке на разных этапах его развития при чередовании статуса языка от бесписьменного к письменному и обратно к бесписьменному.

Затронуты значимые подходы и практики передачи стандартных / нестандартных единиц, специфика их отбора, восприятия и оценки экспертами и рядовыми носителями общенародного языка; закономерности использования в художественном тексте заимствованных языковых средств и неологизмов; лингвокультурологические аспекты осмыслиения новейших проявлений шугнанского дискурса, получившие распространение в условиях информационно-коммуникативных технологий.

На фоне высокой степени графической и орфографической вариативности текстов дан предварительный очерк проявления в языке, взаимодействия различных видов нормирования, выявлен дрейф в направлении кодификации.

При отсутствии государственно-институциональных структур по регулированию социальной речевой деятельности и возможности решать теоретические и практические вопросы сверху в рамках деятельности в сфере культуры речи и языковой политики в настоящее время в силу повышения коммуникативной роли устного / письменного языка снят барьер между живой разговорной речью и сферой публичного общения, а также их графическим отражением (в письменном

печатном тексте и особенно в интернете).

Таким образом задается стимул к созданию письменной традиции с единой нормативной системой письма, составлению шугнанско-таджикско-русских и др. словарей, отражающих национальную лексику, и нормативных грамматик, а также к созданию прозаических художественных произведений, и на этой основе к выработке литературной нормы, что будет способствовать повышению социолингвистического статуса и сохранению языка.

Сокращения

Рус. – русский язык; руш. – рушанский язык; тадж. – таджикский язык; шугн. – шугнанский язык; ш. – шугнанский язык.

Список литературы

- Абдулхамидова П. Ш., Юсуфбеков Ш. П. Становление публичного шугнанского дискурса в СМИ и социальных сетях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Том 21. № 4. С 858–869. DOI: [10.22363/2312-9182-2017-21-4-858-869](https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-4-858-869) EDN: [ZSGRLR](#)
- Виноградов В. В., Дешериев Ю. Д., Решетов В. В., Серебренников Б. А., Скорик П. Я., Баскаков Н. А. Основные итоги и задачи разработки вопросов письменности и развития литературных языков народов СССР // Вопросы языкоznания. 1963. № 3. С. 3–14.
- Гухман М. М. У истоков советской социальной лингвистики // Иностранные языки в школе. 1972. № 4. С. 2–10.
- Додыхудоева Л. Р. История формирования письменности на памирских языках: разработка алфавитов // Иранское языкоzнание 2020. Москва : Языки народов мира, 2020. С. 252–277. DOI [10.37892/978-5-89191-092-8-2020-0-0-252-277](https://doi.org/10.37892/978-5-89191-092-8-2020-0-0-252-277). EDN [MJGJV](#)
- Додыхудоева Л. Р. Об одном случае сложения термина в шугнанском языке: игра на дафе // Родной язык. 2014. № 1. С. 58–75.
- Дьяков А. Итоги и перспективы латинизации и унификации // Язык и письменность народов СССР: стенографический отчет Всесоюзного пленума научного совета ВЦК НА (15–19 февраля 1933 г.). Москва, 1933. С. 171–177.
- Зиндер Л. Р. Очередные задачи фонетики // Проблемы фонетики и фонологии. Москва : Институт языкоzнания АН СССР, 1986. С. 39–43.
- Ицкович В. А. Языковая норма. Москва : Просвещение, 1968. 93 с.
- Крысин Л. П. Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2. 2007. С. 5–17.
- Крысин Л. П. Языковая норма и речевая практика // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 36–47. EDN [SJOLWF](#)
- Макаров Ю. Ю., Меленченко М. Г. Памирские языки. Москва : Школа лингвистики, НИУ Высшая школа экономики. Текст : электронный. URL : <https://pamiri.online> (дата обращения : 06.09.2023).
- Москвичева С. А. Синхронические и диахронические модели языковой нормы: миноритарный язык между «кодифицированным вариантом» и «литературным языком» // Психологические исследования. 2015. № 8. Текст : электронный. URL : <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1159-moskvicheva42.html> (дата обращения : 06.09.2023). EDN [VHFQOB](#)
- Мухиддинов И. Обряды и обычаи, связанные с земледелием, у памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX – начале XX в.: материалы к историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана // Советская этнография. 1973. № 3. С. 99–109.
- Эдельман Д. И. Некоторые проблемы миноритарных языков Памира (к становлению письменности и литературы) // Родной язык. 2016. № 2. С. 87–113.
- Эдельман Д. И. Опыт перевода Евангелия на бесписьменные памирские языки (на примере язгулянского языка) // Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решения. Москва : Институт перевода Библии, 2010. С. 187–201. EDN [VNHBHZ](#)
- Эдельман Д. И., Юсуфбеков Ш. П. Шугнанский язык // Языки мира. Иранские языки. III. Восточноиранские языки. Москва : Индрик, 2000. С. 225–242.
- McLelland N. Language standards, standardisation and standard ideologies in multilingual contexts // Journal of multilingual and multicultural development. 2021. Volume 42. № 2. P. 109–124.
- Jaspers J., Van Hoof S. Ceci n'est pas une Tussentaal: Evoking Standard and Vernacular Language Through Mixed Dutch in Flemish Telecinematic Discourse // Journal of Germanic Linguistics 2015, 27. P. 1–44.

References

- Abdulkhamidova, P. Sh., & Iusufbekov, Sh. P. (2017). Creation of the Shughnani Discourse of Public Sphere in the Media and Social Networks. *Russian Journal of Linguistics*, 21(4), 858–869. EDN: [ZSGRLR](#). <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-4-858-869>

- Vinogradov, V. V., Desheriev, Iu. D., Reshetov, V. V., Serebrennikov, B. A., Skorik, P. Ia., & Baskakov, N. A. (1963). Osnovnye itogi i zadachi razrabotki voprosov pis'mennosti i razvitiia literaturnykh iazykov narodov SSSR. *Voprosy iazykoznaniiia*, 3, 3-14.
- Gukhman, M. M. (1972). U istokov sovetskoi sotsial'noi lingvistiki. *Inostrannye iazyki v shkole*, 4, 2-10.
- Dodykhudoeva, L. R. (2020). On the history of the writing system of Pamir languages: alphabet development. *Iranian linguistics 2020*, 252-277. EDN: MJGJJV. <https://doi.org/10.37892/978-5-89191-092-8-2020-0-0-252-277>
- Dodykhudoeva, L. R. (2014). Ob odnom sluchae slozheniya termina v shugnanskem iazyke: igra na dafe. *Rodnoi iazyk*, 1, 58-75.
- D'iakov, A. (1933). Itogi i perspektivy latinizatsii i unifikatsii. *Iazyk i pis'mennost' narodov SSSR: stenograficheskii otchet Vsesoiuznogo plenuma nauchnogo soveta VTsK NA (15-19 fevralia 1933 g.)*, 171-177.
- Zinder, L. R. (1986). Ocherednye zadachi fonetiki. *Problemy fonetiki i fonologii*, 39-43.
- Itskovich, V. A. (1968). Iazykovaia norma., 93. Moskva: Prosveshchenie.
- Krysin, L. P. (2007). Russkaia literaturnaia norma i sovremennaia rechevaia praktika. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 5-17.
- Krysin, L. P. (2005). Iazykovaia norma i rechevaia praktika. *Otechestvennye zapiski*, 2, 36-47. EDN: SJOLWF.
- Makarov, Iu. Iu., & Melenchenko, M. G. Pamirskie iazyki. Moskva: Shkola lingvistiki, NIU Vysshiaia shkola ekonomiki. Retrieved from <https://pamiri.online>
- Moskvicheva, S. A. (2015). Synchronic and diachronic model of linguistic norm: a minority language between "codified variety" and "literary language". *Psychological Studies*, 8. EDN: VHFQOB <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1159-moskvicheva42.html>
- Mukhiddinov, I. (1973). Obriady i obychai, sviazанные с земледелием, у памирских таджиков Вахана и Ишкешима в XIX. *Sovetskaia etnografia*, 3, 99-109.
- Edelman, J. I. (2016). The Development of Writing Systems and Written Literature in Pamir Minority Languages. *Rodnoi Yazyk*, 2, 87-113.
- Edelman, J. I. (2010). Opyt perevoda Evangelii na bespis'mennye pamirskie iazyki (na primere iazguliamskogo iazyka). *Perevod Biblii kak faktor razvitiia i sokhranenia iazykov narodov Rossii i stran SNG: problemy i resheniiia*, 187-201. EDN: VNHBHZ.
- Edelman, J. I., & Iusufbekov, Sh. P. (2000). Shugnanskii iazyk. *Iazyki mira*, 225-242.
- McLelland N. (2021). Language standards, standardisation and standard ideologies in multilingual contexts. *Journal of multilingual and multicultural development*, Ume 42(2), 109-124.
- Jaspers, J., & Hoof, S. (2015). Van Ceci n'est pas une Tussentaal: Evoking Standard and Vernacular Language Through Mixed Dutch in Flemish Telecinematic Discourse. *Journal of Germanic Linguistics*, 27, 1-44.

Информация об авторе

Додыхудоева Лейли Рахимовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкоznания Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4567-9454>;
Scopus Author ID: 6505998146
e-mail: leiladod@yahoo.com

Поступила в редакцию 30.09.2023
Принята к публикации 07.12.2023
Опубликована 18.12.2023

Information about the author

Leyli R. Dodykhudoeva – Cand. Sci. (Phil.), Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4567-9454>;
Scopus Author ID: 6505998146
e-mail: leiladod@yahoo.com

Received 30 September 2023
Accepted 07 December 2023
Published 18 December 2023